

Сергиенко Е. П. Вежливость как этнокультурная категория языкового сознания англичан и украинцев.

Данная статья посвящена изучению отображения вежливости в сознании англичан и украинцев. Для украинцев вежливость – это проявление почтения к людям, с которыми общаешься, людям, старшим по возрасту. Англичане считают, что вежливость – это проявление уважения и внимания к чувствам и нуждам всех людей. Представители обеих культур осуществляют свои цели посредством красивой речи, красивых жестов и хорошего поведения.

Ключевые слова: вежливость, внимание, почтение, уважение.

Serhiyenko K. P. Politeness as Ethno-Cultural Category of Linguistic Consciousness of the English and the Ukrainians.

The article is dedicated to the way the English and the Ukrainians understand the concept of politeness. The Ukrainians regard politeness as showing deference to the close people and elderly people. The English think that politeness consists of showing respect and consideration. The representatives of both cultures achieve their aim due to the appropriate language, polished manners and polished behavior.

Keywords: consideration, politeness, deference, respect.

Ситникова Е. В.

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко

ВНУТРЕННИЙ ЛЕКСИКОН ЧЕЛОВЕКА В ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Смена парадигмы научного знания, возникновение новых направлений развития лингвистики, выявление среди средств познавательной деятельности вербальных овнешнений, делающих внутренний лексикон человека доступным для анализа, обусловили его рассмотрение в свете современных антропоцентрических теорий. В данной статье внутренний лексикон человека рассматривается с позиций психолингвистики.

Ключевые слова: внутренний лексикон человека, психолингвистика, лексический компонент речевой способности человека, языковое сознание, этноязыковое сознание, свободный ассоциативный эксперимент, языковые маркеры национально-культурного сознания.

Актуальность исследования. Одним из основных вопросов лингвистики, рассматриваемых в рамках современной антропоцентрической парадигмы, является речевая способность человека, обуславливающая возможность внутриязыкового и межъязыкового общения. Исследователи пытаются выявить те признаки и связи, которые лежат в основе упорядоченности единиц внутреннего лексикона и благодаря которым человек может с удивительной быстротой понимать воспринимаемое слово или находить именно то слово, которое адекватно соответствует замыслу его собственного высказывания.

Постановка проблемы. Большое разнообразие подходов к трактовке внутреннего лексикона человека и наличие противоречивых мнений по ряду фундаментальных проблем, без решения которых установление специфики внутреннего лексикона и принципов его функционирования представляются невозможными, побуждает кратко рассмотреть динамику основных подходов к интерпретации лексического компонента речевой способности человека.

Цель исследования. В данной статье внутренний лексикон человека рассматривается с позиций психолингвистики. В соответствии с указанной целью необходимо решить следующие задачи:

- определить понятие внутреннего лексикона человека;
- установить специфику единиц внутреннего лексикона человека и выявить

основные принципы их упорядоченности.

Изложение основного материала. Необходимость междисциплинарного подхода к исследованию внутреннего лексикона человека не исключает важности координирования полученных в рамках различных областей знаний данных о строении лексикона с позиций одной из заинтересованных в решении этой проблемы наук. Поскольку внутренний лексикон как одна из составляющих речевой организации человека формируется через переработку и упорядочение речевого опыта и предназначается для оптимального использования в процессах производства и понимания речи, в качестве такой науки выступает психолингвистика, исследующая устройство и функционирование речевых механизмов человека в плане их соотнесенности со структурой языка и занимающаяся проблемами внутренней структуры речевого действия, “ибо именно закономерности процессов речепроизводства и понимания речи должны определять характер единиц лексикона и принципы их упорядоченности для хранения в готовности к использованию в “речи для себя” и в “речи для других” [4, с. 37].

А. А. Залевская под внутренним лексиконом понимает лексический компонент речевой способности человека, обладающего теми же свойствами, которые специфичны для речевой организации в целом, а именно: внутренний лексикон понимается не как пассивное хранилище сведений о языке, а как динамическая функциональная система, самоорганизующаяся вследствие постоянного взаимодействия между процессами переработки и упорядочения речевого опыта и его продуктами [3, с. 9–11].

В статье “О комплексном подходе к исследованию закономерностей функционирования языкового механизма человека” [2] ученым было высказано предположение о наличии во внутреннем лексиконе человека некоторого ядра, элементы которого наилучшим образом отвечают задаче разъяснения значения одних слов через другие и вследствие этого обеспечивают связи между хранимыми во внутреннем лексиконе единицами.

Анализируя материалы ассоциативного эксперимента, по результатам которого был составлен “Ассоциативный Тезаурус английского языка” [29], А. А. Залевская обратила внимание на стратегии ассоциирования, которые она называет стратегиями разъяснения идентифицируемых слов. Ученый указывает, что “языковые единицы с конкретным, чувственным значением составляют основу успешного использования всех других языковых единиц” [2, с. 34], а наличие “ядра лексикона является одним из оснований для многократного пересечения ассоциативных полей разных, казалось бы не имеющих друг с другом связей, слов. Это помогает дать объяснение феномену, описанному Ю. Н. Карауловым [12] как “правило шести шагов”: именно через принадлежащие к ядру наиболее емкие единицы лексикона устанавливается связь между любыми двумя словами в пределах названного числа переходов” [2, с. 38]. А. А. Залевская ссылается и на исследование индивидуального лексикона человека, проведенное киевскими психологами, которое показало, что максимальное число связей имеют слова, представляющие особое значение для испытуемого как личности и отражающие самые емкие понятия, связь с которыми имеет максимальную вероятность воспроизведения [20; 21].

Рассматривая материалы “Ассоциативного Тезауруса английского языка” [29], А. А. Залевская выявила 75 слов, имеющих наибольшее число входящих связей (более 300). Это позволило сделать вывод о том, что данное количество слов, по всей видимости, и входит в ядро внутреннего лексикона человека [2, с. 35]. Под входящими связями понимается количество исходных слов, вызвавших интересующее

исследователя слово в качестве реакции в свободном ассоциативном эксперименте.

Основное место в списке отнесенных к ядру внутреннего лексикона английских слов занимали существительные (около 60% от общего числа слов), далее шли прилагательные – около 20%, наречия и предлоги составляли около 10%, местоимения – 7%, частицы – около 3%.

Представление о внутреннем лексиконе как об ассоциативной сети с центральной частью, имеющей множество связей, все более разреживающихся по направлению к периферии, характерно и для исследований Н. О. Золотовой.

В 1981 г. ученым был проведен сопоставительный анализ слов, отнесенных к ядру лексикона по материалам “Ассоциативного тезауруса английского языка” [29], с русскими словами, входящими в ядро лексикона человека по результатам эксперимента киевских психологов [20; 21]. Было установлено, что в обоих случаях в ядро входят преимущественно существительные (ср. 60% от общего числа анализируемых английских и 71% от общего числа русских слов), далее идут прилагательные (20% и 22,6% соответственно) и лишь около 6% слов в обоих исследуемых случаях являются глаголами [8].

На следующем этапе работы была поставлена задача более детально рассмотреть ядро лексикона по материалам “Ассоциативного тезауруса английского языка” [29] и, в частности, проследить, как меняется удельный вес существительных по мере продвижения от центра ядра лексикона к его периферии. Первоначально к ядру лексикона были отнесены 75 слов, имеющих в ассоциативном тезаурусе более 300 входящих связей [2, с. 34–35]. Н. О. Золотова называет эти 75 слов центром ядра лексикона. Снижение контрольного показателя числа входящих связей до 100 позволило расширить ядро лексикона до 586 слов [5, с. 38]. Проводя снижение контрольного показателя постепенно (сначала до 250, затем до 200, 150 и 100 входящих связей), ученый получила 5 слоев ядра лексикона.

Поскольку анализ слов, входящих в 1–3 слои ядра внутреннего лексикона, был предпринят А. А. Залевской [5], Н. О. Золотовой были взяты для рассмотрения диапазоны от 199 до 150 и от 149 до 100 входящих связей – 4 и 5 слои ядра соответственно (всего 404 слова). Анализ связей между словами выявил следующие результаты: в 4 слое в качестве существительных квалифицированы 66% слов этого слоя ядра, в качестве прилагательных – 14%, глаголов – около 7%, около 13% составили наречия, предлоги, местоимения и междометия; основное место в 5 слое занимали существительные – 61,3 %, затем шли прилагательные – 19%, в качестве глаголов рассматривались 13,5% слов и 6,2% приходились на другие категории слов.

Сравнив полученные данные с имевшимися ранее [2, с. 36; 5, с. 38] показателями соотношения существительных, прилагательных и глаголов в других слоях ядра лексикона, Н. О. Золотова сделала вывод, что преобладание существительных устойчиво сохраняется при удалении от центра ядра к его периферии [10].

Ученым была составлена и семантическая “карта” ядра лексикона. Собственно карта состоит из семантических групп, показанных с помощью кругов, где каждый круг представляет некую семантическую область (“концепт”), отражающую наиболее значимые для человека жизненные категории. Сюда относятся названия лиц, названия частей тела, названия видов пищи и животных, цветообозначения, одежда, понятия, связанные с домом, жилищем, здоровьем и войной [9, с. 126].

По названиям семантических групп можно предположить, что слова, составляющие ядро лексикона, обозначают самые емкие понятия, связь с которыми имеет максимальную вероятность воспроизведения. Самой “заполненной” группой

является семантическая группа, описывающая названия лиц. В целом лексикон человека антропоцентричен, то есть единицы ядра лексикона покрывают в большей степени все области концептов “Вселенная – Человек”. По своему положению и по существу отражаемых понятий концептуальный блок “Человек” находится в центре рассматриваемой карты. Исходя из этого, все концептуальные схемы объединены одним общим блоком “Человек”, “так как поставленный в центр объективной действительности человек членит окружающий мир, как бы пропуская его через себя и противопоставляя себя как живое существо – неживой природе, как мыслящее существо – растительному миру и т.п.” [7, с. 42].

По мнению Н. О. Золотовой, единицы ядра лексикона можно рассматривать также в качестве носителей базовых понятий, которыми оперирует человек в своей повседневной практике. Ядро лексикона носителя языка отражает актуальную для человека (независимо от этнической принадлежности) картину мира, обнаруживающую универсальный характер по линии концептуального сравнения в разных языках, в ее фабульном построении. В то же время по линии языкового сопоставления на уровне единиц ядра будет обнаруживаться специфика, обусловленная конкретной культурой носителя языка. Ученый полагает, что “при наложении” лексиконов носителей разных языков должно обнаружиться общее понятийное ядро, инвариант, который и делает возможной основу общения носителей разных языков” [7, с. 44].

В одной из последних работ [11] Н. О. Золотова высказала интересную мысль о ядре лексикона человека как феномене языкового сознания. Согласно идее ученого, упорядоченность знаний в оптимальных для использования в речемыслительной деятельности формах репрезентации соотносится со специфической конфигурацией ассоциативных связей, неравноценных по своей энергетике. Наиболее “энергетичные” связи фокусируются в своеобразный центр, или ядро, вокруг которого распределяются остальные связи. Единицы ядра лексикона, приводящие в возбуждение существующие множественные связи, обладают необычайной активностью, характеризуются одновременным вхождением во множество ассоциативных полей других единиц, заполняющих все остальное пространство лексикона. Н. О. Золотова полагает, что этот факт отражает способность единиц ядра выступать в качестве оптимальных средств кодирования ситуаций, связанных с прошлым опытом человека и служащих опорами для получения выводных знаний, играющих важную роль в процессах понимания. А такие специфические характеристики единиц ядра лексикона, как ранний возраст усвоения, высокая степень конкретности, принадлежность к некоторой категории базового уровня обобщения и т. п., также обуславливают удобство их использования человеком в качестве опорных элементов при идентификации более абстрактных и многозначных слов, включая незнакомые слова, например, при восприятии некоторого текста или сообщения [11, с. 94].

Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева определяют внутренний лексикон человека (языковое сознание) как опосредованный языком образ мира той или иной культуры, то есть “совокупность перцептивных, концептуальных и процедурных знаний носителя культуры об объекте реального мира” [22, с. 10]. “Знания о языке как о системе социальных ориентиров также являются частью языкового сознания” [27, с. 112].

Перечисленные виды знания возникают, по мнению ученых, при формировании образов сознания в предметной деятельности, в ходе которой субъект деятельности воздействует на предметы-объекты. Сами объекты реагируют на это воздействие, их реакции позволяют субъекту судить о свойствах объектов, языковые знаки выполняют

функцию носителя знаний, медиатора, по выражению В. П. Зинченко. Знания, ассоциированные в сознании с этим медиатором, дают возможность субъекту категоризировать сенсорные данные, получаемые от органов чувств при познании объекта деятельности. Таким образом, язык является средством организации фиксации, переработки и хранения знаний, полученных в предметной деятельности.

При продуктивной мыслительной деятельности объект на основе знаний, аккумулярованных в первичных образах сознания в ходе предметной деятельности, формирует вторичные образы сознания. При этом во внутренней мыслительной деятельности субъект использует не знаки-предметы, а знаки-образы предметов. Если продукт мыслительной деятельности предназначен самому себе, то организация фиксации, переработки и хранения новых знаний может осуществляться и без образов языковых средств. Но если результаты мыслительной деятельности предполагается передать другому, то они овнешняются предметами-знаками и предъясняются для восприятия. При этом мысль другого не только оформляется в слове, но и неизбежно формируется принятым для данного сообщества способом [23].

Разрабатывая основы теории межкультурного общения как частного случая теории речевого общения, Е. Ф. Тарасов акцентирует внимание на том, что главной причиной непонимания при межкультурном общении является не различие языков, а различие национальных сознаний коммуникантов [22, с. 8]. При этом диалог культур представляет собой не столько общение разных сознаний, сколько общение образов разных культур в рамках одного сознания.

Образы сознания как совокупность перцептивных и концептуальных знаний личности об объекте реального мира для своего ментального существования у личности и, в первую очередь, в обществе требуют овнешнений, доступных для стороннего наблюдения. Эти овнешнения (интерсубъектная форма существования образов сознания), являясь предметами, действиями, словами, необходимы для “передачи” образов сознания от одного поколения к другому. Образы сознания как принадлежность сознания конкретного человека, не могут покинуть его тело, но подобные образы сознания могут быть сформированы его ближайшими и дальними потомками, если им предъяснить для “присвоения” овнешнения этих образов. Например, образ дома, у русского, можно сформировать, предъяснив ему для восприятия дом снаружи и изнутри, позволив пожить в семье русских, занимающих дом, показав ему атмосферу тепла, которая обычно царит в русских семьях, и убедив его в незащищенности русского жилища от вторжения любой власти и любого насильника – поэтому русский не может назвать свой дом крепостью.

Овнешнениями образа сознания *дом* являются предмет (дом), действия с этим предметом (пожить в доме), слово *дом*, а также текст, в котором при помощи других образов сознания (то есть при помощи значений других слов) описан и зафиксирован образ дома. Отсюда, согласно Е. Ф. Тарасову, “языковое сознание – это образы сознания, овнешняемые языковыми знаками” [22, с. 10].

Языковое овнешнение имеют большинство образов сознания, хотя и не все. Постоянно в обществе формируются новые образы сознания при помощи старых образов в процессе производства и восприятия развернутых текстовых описаний и только затем получают овнешнение в виде отдельного слова. В период перестройки, в постперестроечное время в России происходит интенсивное создание новых культурных предметов, новых образов сознания и новых языковых и неязыковых овнешнений. Например, путем реформирования КГБ на основе определенного представления – образа сознания – были созданы два новых органа и подобраны языковые овнешнения: СВР (Служба Внешней Разведки) и ФСК (Федеральная Служба

Контрразведки). В Москве вновь построен Храм Христа Спасителя как новое предметное овнешнение для реанимированных старых и формируемых новых образов русского национального сознания.

Однако речевые сообщения (тексты) позволяют только составить представления об образе сознания чужой культуры. Неосознаваемые или не полностью осознаваемые слои сознания могут быть овнешнены только в свободном ассоциативном эксперименте [22, с. 18].

По результатам массового ассоциативного эксперимента с носителями русского языка, проводившегося в три этапа с 1986 по 1996 гг., Н. В. Уфимцева составила Ассоциативный тезаурус современного русского языка [17]. Слова-реакции, полученные в ходе первого этапа анкетирования (1986–1991 гг.), использовались в качестве слов-стимулов при повторении эксперимента с иным контингентом носителей русского языка (1992–1994 гг.). Новые слова среди реакций второго этапа образовали список стимулов завершающего третьего этапа эксперимента (1994–1996 гг.).

Задуманный по образцу “Ассоциативного тезауруса английского языка” [29], Ассоциативный тезаурус современного русского языка [17] отличается рядом черт.

В “Ассоциативном тезаурусе английского языка” Дж. Киша [29] в качестве стимулов использовались 8400 слов, принадлежащих к различным частям речи и различающихся по грамматическим формам. В общей сложности, как указывает А. А. Залевская, “АТ тезаурус содержит 55837 словарных статей” [1, с. 31]. Для проведения первого этапа ассоциативного эксперимента английским психологом была отобрана тысяча слов-стимулов, в число которых вошли 200 слов списка Д. Палермо и Дж. Дженкинса [31] и 800 слов из первой тысячи наиболее частотных единиц по материалам словарей Горндайка и Лорджа [32] и Словаря английского языка [30].

Для проведения первого этапа эксперимента российскими учеными был определен набор стимулов, состоящий из 1277 единиц. В список стимулов были включены все слова, использованные А. А. Леонтьевым при создании “Словаря ассоциативных норм русского языка” [19]. Это позволило проследить изменения, которые произошли в языковом сознании носителей русского языка. Среди стимулов отмечаются также слова, вошедшие в первую тысячу наиболее частотных слов русского языка согласно “Частотному словарю русского языка” под редакцией Л. Н. Засориной [6]. Полученный список был расширен путем включения в него нескольких десятков слов-дескрипторов, отражающих жизненно важные или типичные для русской культуры понятия, из “Русского семантического словаря” под редакцией С. Г. Бархударова [18]. Для некоторых слов разных частей речи были развернуты синонимические ряды, подобраны антонимические пары, образована словообразовательная парадигма. В список стимулов вошли также некоторые порядковые и количественные числительные, местоимения, предлоги, частицы, междометия и союзы.

Всего в Ассоциативном тезаурусе современного русского языка зафиксировано почти 1,2 миллиона словоупотреблений в 1 037 524 реакциях, что в итоге дало 105 000 разных реакций (содержащих 160 000 словоформ) и около 30 000 разных лексических единиц.

Ассоциативный тезаурус современного русского языка характеризуется также двумя входами: прямым и обратным. В прямом тезаурусе входом служит стимул, а словарная статья представляет собой ассоциативное поле связанных со стимулом слов. Реакции в статье расположены в порядке убывания их частотности.

В обратном тезаурусе входом становится реакция-словоформа или реакция-

словосочетание, а в состав словарной статьи входят те стимулы, которые спровоцировали появление данной реакции у носителя языка.

Такая форма представления экспериментальных данных в ассоциативном тезаурусе позволила, по мнению Н. В. Уфимцевой, изучить не только сходства и различия в содержании образов сознания носителя данной культуры, но и выявить системность образа мира данной культуры.

В ходе подготовки Ассоциативного тезауруса современного русского языка [17] Н. В. Уфимцева выявила круг понятий, наиболее существенных для современного русского языкового сознания. Было определено, что ядро языкового сознания русских составляют также 75 слов. Однако данные о форме представленных в ядре языкового сознания слов существенно отличаются от данных А. А. Залевской, которая обнаружила, что “отнесенные к ядру лексикона слова отличаются элементарностью формы: лишь 11 слов из 75 являются двусложными, остальные состоят из одного слога” [2, с. 35]. В списке Н. В. Уфимцевой односложными являются только 21 слово, двусложными – 35 слов и трехсложными – 19 слов. Это позволило ученому сделать вывод, что “элементарность формы слова не является универсальной характеристикой языкового сознания и зависит от конкретного языка” [26, с. 145]. Кроме того, если для английского языка количество слов, имеющих 1000 и более связей с другими элементами ассоциативной сети равно 2, то для русского языка этот порог преодолевает только одно слово – *человек* [26, с. 144].

Анализируя содержание ядра языкового сознания русских, которое в своем центре имеет *человека*, Н. В. Уфимцева отмечает, что для современного русского – это человек родовой. Он *хороший, добрый, умный, гордый, красивый, надежный*, хотя может быть *плохим, странным, трудным и упрямым*. Это человек *дела, слова, чести*. Достаточно редко человек воспринимается русскими как *гражданин и личность*. И, наконец, человек – это *мужчина* и очень редко *женщина*. Присущая русскому менталитету своеобразная планетарность мышления выражается в том, что человек соотносится с такими понятиями, как *земля, космос, вселенная*. Человеком можно *быть, стать, остаться и родиться*. Человеку надо *дать, жить, помочь и сказать*.

В русском языковом сознании наиболее важными реалиями являются *дом, жизнь, друг, деньги, радость, дело, день, лес, любовь, работа, стол, дорога, разговор*. К наиболее распространенным оценкам относятся *хорошо, плохо, много, быстро, далеко*; а к наиболее распространенным качествам – *большой, хороший, плохой, старый*. Среди типичных для русских действий называются *думать, говорить, жить, идти, сделать*.

Подводя итог сопоставительному анализу языкового сознания русских и англичан, Н. В. Уфимцева приходит к выводу, что “русское языковое сознание направлено и на себя, и на другого, в котором оно видит прежде всего *друга*, хорошего человека. Можно сказать, что сознание русских – это сознание “другоцентричное”. Русские живут как бы по оси *я – он* и во внутреннем пространстве. Русский – это скорее человек думающий и/или говорящий, и все оценивающий” [26, с. 160].

Ученый также отмечает, что, начиная с третьего этапа эксперимента, ассоциативная сеть “стремится” к замыканию: в качестве реакций испытуемые все чаще использовали слова, служившие стимулами на предыдущих этапах. Все это дало возможность судить об усредненном лексиконе носителей языка и о его образе мира.

С развитием этнопсихолингвистики внимание ученых переключается на рассмотрение этнокультурной специфики языкового сознания.

Н. Ф. Уфимцева рассматривает языковое сознание как отображение этносоциокультурной реальности.

Отталкиваясь от определения сознания А. Н. Леонтьевым как “открывающейся субъекту картины мира, в которую включен и он сам, его действия и состояния” [14, с. 125], ученый отмечает, что важнейшими образующими сознания становятся значения. Именно в значениях дана “преобразованная и свернутая в материи языка идеальная форма существования предметного мира, его свойств, связей и отношений” [14, с. 141]. Значения лежат в основе механизма передачи знаний от поколения к поколению, поскольку, становясь идеальной формой существования предметного мира, они приобретают квазисамостоятельное существование и постоянно воспроизводятся в мышлении конкретных индивидов, управляют их внутренней и внешней деятельностью.

Значение слова представляет собой единство общения и обобщения, а это означает, что, с одной стороны, слово существует в реальном процессе общения, в системе “Я” и “Другой”, а с другой стороны, “внутренняя сторона слова, его значение выступает как психологический эквивалент обобщения в качестве неотчуждаемого от субъекта умственного образа” [28, с. 35]. Из данной трактовки значения как основной составляющей сознания и вытекает представление о том, что значение развивается и проходит в онтогенезе определенные стадии своего развития, объектом же интериоризации выступает “инструментальный акт”, то есть опосредованная культурным знаком психическая функция, являющаяся “по происхождению” внешней, данной в системе реального общения и лишь вторично “переместившаяся” в личное, скрытое от других людей сознание [28, с. 70]. Отсюда, по мнению Н. В. Уфимцевой, следует, что сознание человека – это явление интерпсихическое, существующее вне индивида в форме знаков и значений. Культурное развитие сознания начинается с момента рождения ребенка и совершается не по биологическим законам, а под действием системы обучения, исторически и культурно обусловленной.

Однако значения не являются единственными составляющими сознания человека. В индивидуальном сознании происходит дифференциация значений и смыслов в силу того, что присваиваемые индивидуальным сознанием значения хоть и являются производными от существующих в данном обществе “надындивидуальных” значений, но не в полной мере совпадают с последними. Причина этого кроется в том, что значения как бы ведут двойную жизнь: с одной стороны, они принадлежат обществу, а с другой стороны, присваиваясь индивидуальным сознанием, получают развитие в процессах деятельности и сознания конкретного индивида [14, с. 141]. Именно в этой второй своей жизни значения и приобретают личностный смысл, то есть индивидуализируются и субъективируются.

Согласно Н. В. Уфимцевой, представитель того или иного этноса воспринимает любой предмет не только в его пространственных измерениях и во времени, но и в его значении, где концентрируются внутрисистемные связи объективного мира. В значениях, в отличие от личностного смысла, фиксируется некий культурный стереотип, инвариантный образ данного фрагмента мира, присущего тому или иному этносу [24, с. 155].

Ученый придерживается точки зрения А. А. Леонтьева, отмечавшего, что “в основе мировидения и мировосприятия каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем. Поэтому сознание человека всегда этнически обусловлено, видение мира одним народом нельзя простым “перекодированием” перевести на язык культуры другого народа” [13, с. 20].

Имя, которое дается образу сознания (а одна из функций культуры как раз в том и состоит, что культура дает особое имя всем предметам и явлениям своего “культурного космоса”), есть живое имя, так как оно вырастает из действия и несет в

себе его скрытую энергию (потенциальную модель культурного действия). По мнению С. В. Лурье, именно так этнос адаптируется к реальному миру. Таким способом как бы задается та система координат, в которой будет действовать в мире представитель данной этнической культуры, формируется образ мира, который является “основополагающей компонентой культуры этноса” [15, с. 221].

Однако в светлое поле сознания каждого носителя данной культуры, согласно Н. В. Уфимцевой, попадают лишь отдельные фрагменты цельного образа мира, осознается скорее ее наличие и целостность. В процессе развития этноса образ мира может меняться, но неизменными остаются принадлежащие коллективному бессознательному структурообразующие элементы этнического бессознательного – этнические константы, которые представляют собой “бессознательные комплексы, складывающиеся в процессе адаптации человеческого коллектива (этноса) к окружающей природно-социальной сфере и выполняющие в этнической культуре роль основных механизмов, ответственных за психологическую адаптацию этноса к окружающей среде ... Система этнических констант и является той призмой, сквозь которую человек смотрит на мир” [15, с. 228]. В процессе социализации происходит “присвоение” этой системы этнических констант, что и обуславливает этничность сознания человека.

Сознание носителей той или иной этнической культуры в силу своей недоступности прямому наблюдению может изучаться только через различные формы своего овнешнения. “Образ сознания, ассоциированный со словом, – это одна из многих попыток описать знания, используемые коммуникантами при производстве и восприятии речевых сообщений. А имя (слово, тело знака) – это та культурная рамка, которая накладывается на индивидуальный опыт каждого человека, прошедшего социализацию в определенной культуре. “Назвать” – значит приписать определенное значение, а приписать определенное значение – значит понять, включить в свое сознание” [24, с. 154–155]. Так как языковое сознание не может быть объектом анализа в момент протекания процессов, его реализующих, оно может быть исследовано только как продукт бывшей деятельности или может стать объектом анализа только в своих превращенных, отчужденных от субъекта сознания формах.

Одним из способов “овнешнения” языкового сознания Н. В. Уфимцева называет свободный ассоциативный эксперимент. Данная методика, по ее мнению, дает возможность выявить системность как содержания образа сознания, стоящего за словом в той или иной культуре, так и системность языкового сознания носителей той или иной культуры как целого и показывает уникальность и неповторимость образа мира каждой культуры.

И. В. Привалова, исходя из того, что языковое сознание как культурнообусловленный феномен интегрирует знания о культурных предметах, правилах и нормах коммуникативного поведения, применяет уже термины “этноязыковое сознание” или “этнолингвокультурное сознание”.

Этноязыковое сознание, по мнению ученого, это культурно обусловленный инвариантный образ мира, соотношенный с особенностями национальной культуры и национальной психологии.

И. В. Привалова отмечает, что этнокультурная специфика образа языкового сознания детерминирована реальной действительностью, так как “явления реальной действительности, воспринимаемые человеком в структуре деятельности и общения, отображаются в его сознании таким образом, что это отображение фиксирует причинные и пространственные связи явлений и эмоций, вызываемых восприятием этих явлений, и образ мира меняется от одной культуры к другой” [25, с. 5]. Образ

языкового сознания оформляется с помощью языковых средств, отражающих перцептивные и концептуальные знания языковой личности о культурных предметах реального мира. Любые изменения образа мира, неизбежно происходящие в процессе развития этноса/нации, отображаются и фиксируются в языковых маркерах национально-культурного сознания (далее ЯМНКС), под которыми ученый понимает “вербальные репрезентанты образов национально-культурного сознания, объективаторы квантов культурно-обусловленных знаний, формирующих национальные когнитивные базы участвующих в акте межкультурного общения этноязыковых личностей” [16, с. 62]. ЯМНКС делятся на три группы:

1) ЯМНКС лингвоструктурного типа выделяются на том основании, что в структуре и способах организации семиотического кода проявляется форма существования предметного мира с особенностями его свойств и взаимодействий, фиксирующаяся в языковых формах концептов, обнаруживаемых при сопоставлении систем и основных единиц систем двух языков;

2) в ЯМНКС лингвокультурного типа сосредоточены наиболее явные расхождения контрастируемых этнолингвокультур, которые возникают из-за несовпадения образов сознания, отражающих предметы и понятия в сравниваемых лингвокультурах. Они эксплицированы как: средства речевого контакта, языковые формулы; проксемы, кинемы, темпоремы, нумерологемы, колоремы; реалии, культурные символы и этнографические нонемы; вербализаторы аксиологических концептов; единицы фразеологического и паремиологического фондов; вербальные и вербализуемые прецедентные феномены; целостный текстовый отрезок;

3) в ЯМНКС лингвоэкологического типа фиксируется диалоговое взаимодействие контрастируемых лингвокультур, а заимствования концептуального, параконцептуального и бесконцептуального вида представляют собой отдельный вид ноологизации, влияющий на особенности лингвосферы языка [16, с. 69–77].

Представляется интересным выяснить, претерпевает ли изменения внутренний лексикон представителей русской этнолингвокультуры, находящихся в условиях гетерогенного языкового окружения. В связи с этим был подготовлен свободный ассоциативный эксперимент, основу которого составили три группы ЯМНКС, выделенных И. В. Приваловой. Именно в работах данного лингвиста впервые обращается внимание на недостаточную разработанность проблемы языковой объективации национально-культурной специфики языкового сознания (внутреннего лексикона человека).

В группу стимулов-ЯМНКС лингвоструктурного типа нами были отобраны слова, структурно-семантические характеристики которых отражают особенности восприятия окружающей действительности носителями русской этнолингвокультуры: глаголы *морозить*, *знобить*, *светать*, *вечереть*; личное местоимение *вы*; существительные *бабушка*, *дедушка*; глаголы *плыть*, *сидеть*.

В качестве стимулов-ЯМНКС лингвокультурного типа нами были рассмотрены языковые единицы, специфика которых обусловлена различными экстралингвистическими факторами: традиционными формами коммуникации; сложившимися в ходе эволюции языка особенностями распределения и обозначения цвета, пространства, времени; бытовой и культурной сферами жизни; наличием уникального для каждой этнокультурной группы корпуса прецедентных текстов. Представленные в исследовании ЯМНКС лингвокультурного типа распределены на несколько подгрупп:

1) средства речевого контакта и языковые формулы; сюда относятся формы приветствия: *Здравствуйте!*, *Привет!*; прощания: *До скорого!*, *Увидимся!*, *Пока!*;

пожелания: *На здоровье!, С легким паром!, Спокойной ночи!, Всего хорошего!, Будьте здоровы!*; одобрения: *Так держать!, Молодец!*; приглашения: *Добро пожаловать!*; а также традиционное выражение *Горько!*;

2) составляющие перцептивной модели этнолингвокультуры; среди них выделяются колоремы: *вороной, гнедой, русый, рыжий, карий, красный*; проксеми: *переулок, проулок, область, деревня*; темпоремы: *сутки, миг, мгновение, возраст*; нумерологемы: *три, семь*;

3) реалии, культурные символы и этнографические нонемы; в данной подгруппе представлены наименования блюд русской кухни: *окрошка, оливье, каравай, холодец, солянка, пельмени, буханка, баранка, пирог, пирожки, блины, щи, борщ, вобла, кулич, пасха*; напитков: *квас, кисель, самогон, водка*; одежды: *ушанка, распашонка, платок, валенки*; праздников и связанных с ними традиций: *святки, крещенский, масленица, тамада, дружка, частушка, хоровод*; культурных символов: *балалайка, матрешка, береза, дуб*; видов жилья: *гостинка, коммуналка, усадьба, дача*; предметов быта: *авоська*; видов транспорта: *маршрутка*; сохранившиеся в России названия лиц по степени родства и кумовства: *теща, свекровь, сваха, кума*; заведений общественного питания, популярных в СССР: *столовая, чебуречная*; денежных единиц: *рубль, копейка*; мифологических образов: *Баба-Яга, Дед Мороз, Снегурочка, Водяной, Леший, Домовой*; явлений общественной жизни: *субботник, суворовец, бомж, тусовка, аврал*; политические реалии периода существования СССР и постсоветского времени: *советский, декрет, первомай, перестройка, путч*;

4) аксиологический концепт *авось*;

5) единицы фразеологического фонда, включающие имена собственные: *при царе Горохе, Кузькина мать, во всю ивановскую*; устаревшие слова: *на сносях, семи пядей во лбу, точить лясы*; специальную лексику: *бить баклуши, лыка не вяжет, не лыком шит*; разговорные элементы: *узнать всю подноготную, с бухты-барахты*; общеупотребительную лексику: *глухая тетеря, как с гуся вода, зубы заговаривать*;

6) вербальные и вербализуемые прецедентные феномены, куда входят имена литературных и фольклорных персонажей, которые в русской культурной традиции стали употребляться и как нарицательные, говорящие о присутствии в человеке определенных качеств характера: *Золушка, Отелло, Донжуан, Буратино, Иван Сусанин, Обломов, Плюшкин*; имена реально существовавших людей, за которыми в сознании носителей русской культуры закрепились определенные характеристики: *Мать Тереза, Иуда*; исторические личности: *Павлик Морозов, Сталин*; названия произведений русской литературы: *“Мертвые души”, “Кто виноват?”, “Что делать?”*; концепты национально-культурного пространства различных временных отрезков: *Окно в Европу, 37-й год, МММ*; топоним *Поле чудес*.

Группу стимулов-ЯНМКС лингвоэкологического типа составили слова, появившиеся в русском языке в начале XXI века, находящиеся на разных стадиях освоения их носителями языка и зафиксированные словарями иностранных слов последних изданий: *флешмоб, онлайн, провайдер, граффити, ланч, супермаркет, консалтинг, органайзер, опция, паркинг, респект, бойфренд*.

Выводы. Рассмотрение внутреннего лексикона человека с позиций психолингвистики позволило сделать следующие выводы.

Внутренний лексикон человека, или лексический компонент речевой способности человека, согласно А. А. Залевской, – это динамическая функциональная система, самоорганизующаяся вследствие постоянного взаимодействия между процессами переработки и упорядочения речевого опыта и его продуктами. Одной из универсальных тенденций в организации внутреннего лексикона ученый называет

наличие ядра в его структуре, которое обеспечивает экономичность хранения энциклопедических и языковых знаний человека и эффективность параллельного учета их в его речемыслительной и прочей деятельности.

Представление о внутреннем лексиконе как об ассоциативной сети с центральной частью, имеющей множество связей, все более разреживающихся по направлению к периферии, характерно и для исследований Н. О. Золотовой. По мнению ученого, в составе ядра лексикона выделяется пять слоев с ядром-центром и четырьмя периферийными слоями.

Е. Ф. Тарасов и Н. В. Уфимцева под внутренним лексиконом человека (языковым сознанием) понимают опосредованный языком образ мира той или иной культуры, то есть совокупность перцептивных, концептуальных и процедурных знаний носителя культуры об объектах реального мира. Ученые считают, что внутренний лексикон человека скрыт для исследователей, однако он становится доступным для изучения посредством овнешнения. По мнению Н. В. Уфимцевой, отнесенные к ядру внутреннего лексикона слова не отличаются элементарностью формы и “параметризованы” по персоналиям, реалиям, оценкам, действиям, качествам.

И. В. Привалова определяет внутренний лексикон человека (этноязыковое сознание) как культурно обусловленный инвариантный образ мира, соотнесенный с особенностями национальной культуры и национальной психологии. Вербальными представителями национально-культурной специфики языкового сознания, по мнению ученого, являются ЯМНКС, принадлежащие сфере лингвистического пространства и выступающие объективаторами квантов культурно обусловленных знаний, формирующих национальные когнитивные базы участвующих в акте межкультурного общения этноязыковых личностей.

В целях рассмотрения изменений внутреннего лексикона представителей русской этнолингвокультуры под влиянием иноязычной среды был подготовлен свободный ассоциативный эксперимент. Данная методика, основанная на анализе словесных ассоциаций испытуемых, является одной из наиболее эффективных методик исследования внутреннего лексикона человека и его национально-культурной специфики, так как она позволяет проанализировать особенности семантических связей, семантический объем слов и является инструментом овнешнения образов сознания носителей русского языка.

За основу свободного ассоциативного эксперимента были приняты три группы ЯМНКС, выделенные И. В. Приваловой: ЯМНКС лингвоструктурного типа, ЯМНКС лингвокультурного типа и ЯМНКС лингвоэкологического типа. Языковые единицы каждой из трех групп отражают типичные для русской культуры понятия.

При применении методики свободного ассоциативного эксперимента возможно получение следующих данных:

– как в языковой картине мира отражаются различные языковые феномены; меняется содержание и выражение понятийных, языковых и грамматических категорий; утрачиваются значения лексических единиц;

– какие изменения произошли в знаниях и представлениях, стоящих за средствами речевого контакта и языковыми формулами; проксемами, темпоремами, нумерологемами, колоремами; реалиями, культурными символами и этнографическими нонемами; вербализаторами аксиологических концептов; единицами фразеологического фонда; вербальными и вербализуемыми прецедентными феноменами;

– как воспринимаются неологизмы.

На следующем этапе исследования предполагается изучение внутреннего лексикона человека с позиций психологии, психофизиологии, когнитивной лингвистики и теории языковой личности.

Л и т е р а т у р а :

1. *Залевская А. А.* Ассоциативный тезаурус английского языка и возможности его использования в психолингвистических исследованиях / А. А. Залевская // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики : [сборник научных трудов / редкол. : А. А. Залевская (отв. ред.) и др.]. – Калинин : КГУ, 1983. – С. 26–41.
2. *Залевская А. А.* О комплексном подходе к исследованию закономерностей функционирования языкового механизма человека / А. А. Залевская // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики: [межвузовский тематический сборник / редкол. : А. А. Залевская (отв. ред.) и др.]. – Калинин : КГУ, 1981. – С. 28–44.
3. *Залевская А. А.* Проблемы организации внутреннего лексикона человека : [учебное пособие] / А. А. Залевская. – Калинин : КГУ, 1977. – 83 с.
4. *Залевская А. А.* Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды / А. А. Залевская. – М. : Гнозис, 2005. – 543 с.
5. *Залевская А. А.* Психолингвистические проблемы семантики слова : [учебное пособие] / А. А. Залевская. – Калинин : КГУ, 1982. – 80 с.
6. *Засорина Л. Н.* Частотный словарь русского языка / Л. Н. Засорина. – М. : Русский язык, 1977. – 936 с.
7. *Золотова Н. О.* “Картина мира” и ядро лексикона носителя английского языка / Н. О. Золотова // Проблемы семантики: Психолингвистические исследования : [сборник научных трудов / редкол. : А. А. Залевская (отв. ред.) и др.]. – Тверь : ТГУ, 1991. – С. 40–45.
8. *Золотова Н. О.* К проблеме “ядра” лексикона человека / Н. О. Золотова // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики : [межвузовский тематический сборник / редкол. : А. А. Залевская (отв. ред.) и др.]. – Калинин : КГУ, 1981. – С. 45–48.
9. *Золотова Н. О.* Опыт составления семантической карты ядра лексикона носителя английского языка / Н. О. Золотова // Психологические и лингвистические аспекты проблемы языковых контактов : [сборник научных трудов / редкол. : А. А. Залевская (отв. ред.) и др.]. – Калинин : КГУ, 1984. – С. 124–127.
10. *Золотова Н. О.* О ходе исследования специфики ядра лексикона / Н. О. Золотова // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики : [сборник научных трудов / редкол. : А. А. Залевская (отв. ред.) и др.]. – Калинин : КГУ, 1983. – С. 41–44.
11. *Золотова Н. О.* Ядро лексикона человека как феномен языкового сознания / Н. О. Золотова // Языковое сознание: содержание и функционирование: XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации : [тезисы докладов, 01-03 июня 2000 г., Москва / редактор Е. Ф. Тарасов]. – М. : Институт языкознания РАН и МГЛУ, 2000. – С. 94.
12. *Караулов Ю. Н.* Общая и русская идеография / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1976. – 355 с.
13. *Леонтьев А. А.* Языковое сознание и образ мира / А. А. Леонтьев // Язык и сознание: парадоксальная рациональность / [Рос. акад. наук, Ин-т языкознания ; ред. коллегия : Е. Ф. Тарасов (отв. ред.) и др.]. – М., 1993. – С. 16–21.
14. *Леонтьев А. Н.* Деятельность, сознание, личность : [учебное пособие] / А. Н. Леонтьев. – М. : Политиздат, 1975. – 304 с.
15. *Лурье С. В.* Историческая этнология : [учебное пособие] / С. В. Лурье. – М. : Аспект-пресс, 1997. – 446 с. – (Открытая книга. Открытое сознание. Открытое общество).
16. *Привалова И. В.* Интеркультура и вербальный знак: лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации : [монография] / И. В. Привалова. – М. : Гнозис, 2005. – 469 с.
17. Русский ассоциативный словарь : в 2 т. / [Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов]. – М. : Астрель : АСТ, 2002.
18. Русский семантический словарь. Опыт автоматического построения тезауруса: от понятия к слову / [отв. ред. С. Г. Бархударов]. – М. : Наука, 1982.

19. Словарь ассоциативных норм русского языка / [А. А. Леонтьев, А. П. Клименко, А. Е. Супрун и др. ; под ред. А. А. Леонтьева ; Ин-т русского языка им. А. С. Пушкина]. – М. : Изд-во Московского университета, 1977. – 192 с.
20. *Старинец В. С.* Экспериментальное исследование структуры ассоциативных связей / В. С. Старинец, К. Г. Агабабян, Г.И. Недялкова // Моделирование в биологии и медицине : [сборник статей / редкол. : Н. М. Амосов (отв. ред.) и др.]. – Киев : Наукова думка, 1968. – С. 14–20. – (Вып. 3; АН УССР. Кибернетика и вычислительная техника).
21. *Старинец В. С.* Экспериментальные исследования семантической организации ассоциативных сетей / В. С. Старинец, К. Г. Агабабян, Г. И. Недялкова // Моделирование в биологии и медицине : [сборник статей / ред. коллегия : Н. М. Амосов (отв. ред.) и др.]. – К. : Наукова думка, 1968. – С. 6–13. – (Вып. 3; АН УССР. Кибернетика и вычислительная техника).
22. *Тарасов Е. Ф.* Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания / Е. Ф. Тарасов // Этнокультурная специфика языкового сознания : [сборник научных трудов / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания; отв. ред. Н. В. Уфимцева]. – М., 1996. – С. 7–22.
23. *Тарасов Е. Ф.* Становление символической функции в онтогенезе / Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева // Исследование речевого мышления в психолингвистике / [Т. В. Ахутина, И. Н. Горелов, А. А. Залевская и др. ; отв. ред. Е. Ф. Тарасов]. – М. : Наука, 1985. – С. 32–50.
24. *Уфимцева Н. В.* Культура и проблема заимствования / Н. В. Уфимцева // Встречи этнических культур в зеркале языка: (в сопоставительном лингвокультурном аспекте): [монография] / М. Б. Ешич, Я. Корженский и др. ; редкол. : Г. П. Нешищенко (отв. ред.) и др. ; Рос. акад. наук. Научный совет по истории мировой культуры. Ин-т славяноведения. – М. : Наука, 2002. – С. 152–170.
25. *Уфимцева Н. В.* Предисловие / Н. В. Уфимцева // Языковое сознание и образ мира : [сборник научных статей / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания ; отв. ред. Н. В. Уфимцева]. – М. : Ин-т языкознания РАН, 2000. – С. 3–6.
26. *Уфимцева Н. В.* Русские: Опыт еще одного самопознания / Н. В. Уфимцева // Этнокультурная специфика языкового сознания : [сборник научных статей / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания ; отв. ред. Н. В. Уфимцева]. – М., 1996. – С. 139–162.
27. *Уфимцева Н. В.* Этнопсихолингвистика: вчера и сегодня / Н. В. Уфимцева // Вопросы психолингвистики. – 2006. – № 4. – С. 92–100.
28. *Ярошевский М. Г.* Л. С. Выготский: в поисках новой психологии / М. Г. Ярошевский. – СПб. : Международный фонд истории науки, 1993. – 301 с.
29. *Kiss G.* The Associative Thesaurus of English / G. Kiss, C. Armstrong, R. Milroy. – Edinburgh : Univ. of Edinb., MRC Speech and Communication Unit, 1972. – 1539 p.
30. *Ogden C. K.* Basic English / C. K. Ogden. – London : Kegan Paul, Trench and Trubner, 1954. – 507 p.
31. *Palermo D. S.* Word association norm / D. S. Palermo, J. J. Jenkins. – Minneapolis : University of Minnesota Press, 1964. – 340 p.
32. *Thorndike E. L.* The teacher's word book of 30 000 words / E. L. Thorndike, I. Lorge. – New York : Columbia University Press, 1944. – 427 p.

Ситникова О. В. Внутрішній лексикон людини у психолінгвістичних дослідженнях.

Зміна парадигми наукового знання, виникнення нових напрямків розвитку лінгвістики, виявлення серед засобів пізнавальної діяльності вербальних озвнішень, що роблять внутрішній лексикон людини доступним для аналізу, зумовили його розгляд у світлі сучасних антропоцентричних теорій. У даній статті внутрішній лексикон людини розглядається з позицій психолінгвістики.

Ключові слова: *внутрішній лексикон людини, психолінгвістика, лексичний компонент мовної здібності людини, мовна свідомість, етномовна свідомість, вільний асоціативний експеримент, мовні маркери національно-культурної свідомості.*

Sitnikova E. V. Inside lexicon of a person in psycholinguistic research.

The shift in scientific paradigm, the emergence of new directions for development of linguistics, the identification of verbal externalizations among the means of cognitive activity, which make inside lexicon of a person available for analysis, caused consideration of it in view of the modern anthropocentric theories. In the present article inside lexicon of a person is considered from the perspective of psycholinguistics.

Keywords: *inside lexicon of a person, psycholinguistics, lexical component of human speech ability, linguistic consciousness, ethnolinguistic consciousness, free associative experiment, language markers of national and cultural consciousness.*

Слива Т. В.
Національний педагогічний університет
імені М. П. Драгоманова

МЕРОНИМЫ В СОСТАВЕ АССОЦИАТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ГРУПП

Статья посвящена исследованию роли меронимии в организации особой лексико-семантической парадигмы – ассоциативно-семантической группы. Путем компонентного, дистрибутивного и контекстуального анализов выявляются ассоциативно-семантические связи партонимов и холонимов.

Ключевые слова: *меронимия, партоним, холоним, ассоциативно-семантическая группа.*

Признание возможности исследования лексики как системы предполагает некую методологию, в соответствии с которой таковое исследование будет осуществляться. Любой носитель языка, даже не имеющий специального филологического образования, легко систематизирует предложенный ему набор слов, если среди них есть те, которые специалистами квалифицируются как синонимы, антонимы, омонимы и т.д. Тем самым он /носитель языка/ вычленил отдельные элементы, в своей совокупности и изоморфности составляющие некую структуру, и эту структуру можно рассматривать как систему при условии наличия определенных закономерностей ее строения. Такой закономерностью является связь между словами на семном уровне.

М. В. Никитин основой лексической системы видит отношения *часть – целое*: “Очевидно, что отношения часть – целое пронизывают весь мир снизу доверху, от микро- до макрокосмоса, от элементарных частиц до галактик. Они охватывают вещи всех уровней сложности, организуя их в многообразные многоступенчатые иерархии частей – целых, элементов – систем /структур/. Эти отношения столь же универсальны и глобальны, как многообразные многоступенчатые иерархии вещей, образуемые общностью присущих ей признаков и закономерностей” [5, с. 442].

М. В. Никитин полагает, что “главным фактором смыслового упорядочения словаря являются гипер-гипонимические /родо-видовые, категориально-спецификационные/ и партитивные семантические связи. Их действие распространяется на весь словарь, благодаря им словарь предстает как целостная иерархическая структура” [5, с. 404]. К основным видам семантической связи слов он относит также “связи синонимические, оппозитивные /антонимические и конверсивные/ и эквонимические. Все они, однако, принципиально отличны от гипер-гипонимии /или просто гипонимии/ и партитивных отношений тем, что образуют не глобальные семантические структуры словаря, а семантические микроструктуры /микросистемы/ слов на отдельных участках словаря” [5, с. 405].

Целый ряд лингвистов /М. А. Кронгауз, Э. В. Кузнецова, Б. А. Плотников, З. Д. Попова, Н. А. Седова, И. А. Стернин и др./ рассматривает партитивные связи как один из основных типов парадигматических отношений в лексике. При этом многие из них отмечают, что отношения “часть – целое” недостаточно исследованы, неточно сформированной терминологии в данной области: “Понятие о целом и имя этого понятия пока еще никак не названы, и для этой цели может быть